

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английского языка, методики и переводоведения

**Авторские особенности оформления концептуальной метафоры
«природное явление» в дискурсе Люси Мод Монтгомери**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

дата подпись

Исполнитель:
Галанова Илона Сергеевна,
Обучающийся БА-42 группы

подпись

Руководитель:
Шустрова Елизавета
Владимировна док. фил.
наук, проф. каф. английского
языка, методики и
переводоведения УрГПУ

подпись

Екатеринбург 2018

Содержание

Введение	3
Глава I. Теоретические основы исследования	7
1.1. Основные подходы в трактовке терминов «концепт», «концептуальная метафора»	7
1.2. Основные подходы в трактовке термина «дискурс»	16
1.3. Основные методики когнитивных лингвистических исследований	23
Выводы по главе I	30
Глава II. Языковое оформление концептуальной метафоры «природное явление» в дискурсе Люси Монтгомери	31
2.1. Лексические единицы, организованные в поле текстового концепта «природа»	31
2.2. Метафорическая модель «Природа – это человек»	34
2.2.1. Метафорическая подмодель физиологических признаков	34
2.2.2. Метафорическая подмодель речевого сообщения	40
2.2.3. Метафорическая подмодель эмоций	44
2.2.4. Метафорическая подмодель движения	50
2.2.5. Метафорическая подмодель статуса	51
2.3. Метафорическая модель «Природа – это артефакт»	54
2.4. Метафорическая модель «Природа – это религиозная материя»	56
Выводы по главе II	58
Заключение	59
Библиографический список	61
Приложение 1	68

Введение

Данная работа посвящена исследованию авторской концептуальной метафоры, функционирующей в художественном дискурсе. Традиционно метафора рассматривается в качестве одного из способов или механизмов усиления выразительности речи. Современная же теория метафоры уже в самом процессе метафоризации видит определенный «механизм», основанный на деятельности головного мозга человека и являющийся «инструментом» познания окружающего нас мира.

Трактовка метафоры с точки зрения ее когнитивных особенностей позволила не только изменить, но и расширить угол рассмотрения изучаемой нами проблемы. Подобная масштабность исследования во многом базируется на взглядах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые в свою очередь утверждают, что «метафора пронизывают всю нашу жизнь, причем не только язык, но и мышление, и деятельность» [Лакофф, Джонсон 2004: 25].

Положение о важности ментальных операций, участвующих в процессах метафоризации, категоризации и концептуализации мира говорит об универсальном характере перечисленных нами явлений, с одной стороны. С другой стороны, существуют несколько факторов, указывающих на значимость социокультурной составляющей при создании концептов и метафорических моделей. Так, например, большое влияние на наше мировосприятие оказывает наш индивидуальный опыт взаимодействия с действительностью, в результате которого у человека формируются, а также накапливаются образы, которые впоследствии используются для образования метафорических концептов [Алифанова, Сенцов 2015: 1780 –1782].

Другими очень важными факторами являются среда и общество, при контакте с которыми усваиваются и закладываются базовые концепты, служащие ключом к правильной интерпретации метафоры, а, следовательно, к взаимопониманию между членами этого общества.

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что метафора как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры стала сферой интересов многих наук, в том числе когнитивной лингвистики. Несмотря на богатый опыт исследований, проведенных в различных областях знаний, по-прежнему актуальны и представляют практический и теоретический интерес вопросы, связанные с пониманием сущности метафоры и ее роли в различных типах дискурса.

Объект настоящего исследования – авторская концептуальная метафора «природное явление» в дискурсе Люси Монтгомери.

Предметом настоящего исследования является языковое оформление авторской метафоры «природное явление» в дискурсе Люси Монтгомери.

Цель данного исследования – выявление и анализ языковых средств, используемых Люси Монтгомери для оформления концептуальной метафоры.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1. систематизировать имеющиеся данные в области изучения понятий «концепт», «концептуальная метафора», «дискурс»;
2. выявить случаи употребления концептуальной метафоры в романах посредством выделения метафорических моделей;
3. проанализировать лексические средства, участвующие в образовании метафорических моделей.

Материалом исследования послужили контексты употребления метафор, полученных путем сплошной и репрезентативной выборки из романов канадской писательницы Люси Мод Монтгомери «Anne of Green Gables», «Anne of Avonlea», «Anne of the Island». Составленный нами «природный» словник на избранном материале насчитывает 35 лексем в 855 словоупотреблениях (с/у).

В качестве основных в работе были использованы описательный и сравнительный **методы**, реализованные через комплекс частных методик и

приемов анализа, включая методики контекстуального анализа, семантико-стилистического, когнитивно-дискурсивного анализа.

Теоретическая значимость заключается в том, что данное исследование дает материал для дальнейших теоретических обобщений, способствует разработке таких теоретических проблем, как взаимодействие языка и мышления, роль языка в экспликации и формировании картины мира (авторских интенций и т.д.), взаимодействие различных уровней языковой системы.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов при разработке дисциплин «Практический курс иностранного языка», «Стилистика», «Лингвострановедение», и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем представлен ряд частных наблюдений и выводов, сделанных в результате анализа конкретного материала.

Результаты исследования были доложены на 8-й, 9-й и 10-й международной студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и методики» в Уральском государственном педагогическом университете [Екатеринбург, 2016, 2017, 2018]. Результаты работы были удостоены диплома I на XX Областном конкурсе 2017 г. на лучшую научную работу студентов высших и средних специальных учебных заведений Свердловской области «Научный Олимп» по направлению «Гуманитарные науки».

Композиционно работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Во **введении** обозначается предмет исследования данной работы, а также формулируется цель и соответствующие ей задачи. Также описывается структура работы, ее теоретическая и практическая ценность. В **первой** главе рассматриваются общие теоретические вопросы. Во **второй** главе описываются результаты исследования метафорических моделей, а

также проводится их систематизация. В **заключении** подводятся итоги исследования, делаются выводы по работе.

Работа состоит из 60 страниц основного текста, включает в себя **библиографию**, состоящую из 69 наименований работ отечественных и зарубежных авторов, и **приложение**.

Глава I. Теоретические основы исследования

В рамках данной главы будут рассмотрены вопросы, связанные с основными подходами к трактовке терминов «концепт», «концептуальная метафора», «дискурс», а также будут проанализированы основные методики когнитивных лингвистических исследований.

1.1. Основные подходы в трактовке терминов «концепт», «концептуальная метафора»

В настоящее время понятие «концепт» активно вошло в научный обиход и стало ключевым в когнитивной лингвистике. Однако, как всякий сложный когнитивный лингвосоциальный конструкт, концепт не обладает общепринятым определением. Вариативность его толкования во многом объясняется большим интересом представителей различных областей знания к исследованию данного феномена.

Любая попытка постичь природу концепта приводит к тому, что в поле зрения исследователей возникают смежные с данным понятием термины и обозначения: «слово», «значение», «понятие». Упорядоченная совокупность концептов, сформулированная Д. С. Лихачевым как «*концептосфера*» тесно переплетается с понятиями: «*менталитет*», «*семантическое пространство языка*» [Лихачев 1993: 3 – 9]. Вопрос о демаркации этих терминов является одним из самых дискуссионных в когнитивной лингвистике. Опираясь на авторитетное мнение ученых, попытаемся разобраться в этом вопросе.

Согласно З. Д. Поповой, И. А. Стернину, словесная номинация – необязательное условие выделения концепта, но в то же время, – средство доступа к концептуальному знанию [Попова, Стернин 2007: 58]. Например, для активизации концепта «деньги» в сознании носителя русского языка можно использовать не только лексему *деньги*, но и *финансы*, *капиталы*, *монеты*, *гроши*, *бабки*, *презренный металл*. Также к этому концепту можно апеллировать и паралингвистическими средствами: жестом потирания большим пальцем об указательный и средний [Карасик 2002: 18]. Более того,

концепт, по мнению лингвистов, репрезентируется не только лексемами, но и фразеосочетаниями, словосочетаниями, предложениями, текстами и совокупностями текстов, изучение которых позволяет получить представление о его содержании в сознании носителей конкретного языка [Попова, Стернин 2007: 43].

Практика показывает, что компетентность коммуникантов в выборе адекватных средств активизации в сознании адресата тех или иных концептов вовсе не ограничивается исчерпывающими знаниями этих лексико-фразеологических ограничений языка. Не менее важным является знание всей суммы культурной традиции того или иного лингвокультурного социума [Федотова 2005: 2 – 3].

Следовательно, *семантическое пространство языка* – это лишь часть концептосферы, выраженная с помощью языковых знаков, совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка. Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет выделить универсальные, специфические, национальные, групповые и индивидуальные особенности концептов [Там же: 44].

Языковое значение – «квант семантического пространства», который, в отличие от концепта, прикреплен к языковому знаку. Концептуальное содержание и языковое значение не совпадают не только по объему, но и по содержанию. Концептуальное содержание является более широким по объему, поскольку включает в себя экстралингвистические знания: «энциклопедическую» информацию об объекте, культурные коннотации и ассоциации, элементы коммуникативно-прагматической сферы. Так, например, представление о том, что знание можно рассматривать как жидкость, пригодную для утоления жажды (ср. утолить жажду знаний), не входит в состав лексических значений лексемы «знание» в русском языке, но

входит в концептуальное содержание соответствующего концепта, так как является значимым для конкретной национальной культуры.

Таким образом, концептуальное содержание и языковое значения относятся друг к другу как содержание и форма – языковая семантика выступает как одно из главных средств репрезентации концептуального содержания. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы [Федотова 2005: 59].

Концептосфера – совокупность концептов, сфера мысли, информационная база когнитивного сознания народа и отдельной личности. Основным источником формирования концептов является личная познавательная деятельность личности, осуществляемая в том числе, через коммуникативную деятельность (общение, чтение, учебу) [Там же].

Что касается *менталитета*, то он проявляется, прежде всего, в характере, действиях, коммуникативном поведении, а также формируется под влиянием экономических условий, политических изменений, социально-политических процессов, природных явлений [Там же: 43].

Таким образом, содержание понятия «концепт» очень насыщено и варьируется в разных научных школах. Во всем многообразии трактовок термина «концепт», существующих в современной науке, можно выделить два основных подхода к интерпретации этого понятия:

1. лингвокультурологический подход

2. лингвокогнитивный подход

Следует заметить, что подобное разделение условно, и выделенные подходы не являются взаимоисключающими.

На наш взгляд, основа *лингвокультурологического* подхода наиболее четко сформулирована в работе Ф. С. Алифановой и А. Э. Сенцова. По мнению авторов, данный подход базируется на положении: «концепт –

посредник между словом и реальностью» [Алифанова, Сенцов 2015: 1780 – 1782]. Под реальностью в данном случае понимается индивидуальный и групповой опыт взаимодействия человека со средой. В большинстве случаев сторонники этого подхода отталкиваются от раскрытия функциональной роли слова и среды в формировании концепта. Таким образом, слово как знаковая единица языка выступает в качестве «имени» (В. А. Ефремов), вербального и невербального средства выражения понятия. Среда, в свою очередь, определяет специфику семантики единиц языка и отражает языковую картину мира его носителей.

Представители лингвокультурологического направления (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, С. Х. Ляпин, В. И. Шаховский, С. Г. Воркачев, А. Вежбицкая) определяют концепт как форму воплощения культуры в сознании человека, не умоляя при этом роли семантики, образующей его ядро. Лингвокультурологи традиционно признают трехкомпонентную структуру концепта, включающую понятийную, образную и ценностную составляющие; центром концепта, по В. И. Карасику, является его ценностный компонент [Карасик 2002: 193].

Так, согласно С. Х. Ляпину, «концепты – это своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, <...>, идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный и псевдопонятийный базис» [Ляпин 1997: 11 – 35]. При этом автор образно отмечает, что понятие всего лишь «мерцает» в глубине концепта [Там же].

Смешение терминов «концепт» и «понятие» происходит довольно часто. Однако многие исследователи сходятся во мнении, что концепт в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается, следовательно, его объем намного шире объема последнего [Степанов 1997: 41]. З. Д. Попова отмечает, что смысловые значения лексических единиц, представленные в словаре, «очищены» от всего конкретного и отражают лишь общие признаки и свойства предмета [Попова 2003: 137]. Концепт же

объединяет в своем поле те понятия и смыслы, которые составляют его периферию и не фиксируются толковыми словарями.

Так, по мнению Ю. С. Степанова, наряду с признаками понятия, в структуру концепта входит все то, что делает его фактом культуры — «исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания истории, ассоциации, оценки и т. д.» [Степанов 1997: 102].

Опираясь на авторитетное мнение вышеуказанных лингвистов, можно сделать вывод о том, что перцептивный компонент, связанный с восприятием и осмыслением окружающей действительности, занимает особое место в структуре концепта. Эта идея также нашла свое отражение и в трудах многих известных психологов (В. С. Выготского, Н. И. Жинкина, И. Н. Горелова), которые считают, что концепт кодируется в сознании индивидуальным чувственным образом и является базовой единицей универсального предметного кода человека [Попова, Стернин 2007: 24]. Таким образом, большинство сторонников лингвокультурологического направления, так или иначе, отмечают важность перцептивного и культурного компонентов в структуре концепта. Значимость этих компонентов подчеркивается также представителями когнитивного направления (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин, В. В. Красных), которые относят концепт к явлениям ментального характера.

Суть *когнитивного* подхода состоит в том, концепт рассматривается как единица оперативного сознания, лежащая в основе мысленного конструирования (концептуализации) предметов и явлений окружающего мира. Образовавшиеся в результате этого процесса концепты отражают содержание знаний об окружающем мире в виде определенных единиц, «квантов знания» (Е. С. Кубрякова). При этом ученые отмечают, что содержание концепта включает информацию не только о том, что индивид знает, но также предполагает, воображает о том или ином фрагменте действительности.

Ссылаясь на концептуальную природу концепта, З. Д. Попова приводит следующий пример, раскрывающий, на наш взгляд, суть процесса концептуализации. Так, по мнению исследователя, многократно пользуясь часами разных форм и размеров, человек в своём сознании обобщает их важнейший признак – стрелку, движущуюся по циферблату. Как результат – сформированный в сознании образ часов в виде картинки либо схемы. Этот образ, по словам автора, – «универсальный предметный код», ядро, вокруг которого наслаиваются новые семантические признаки, «кванты знания» (Е. С. Кубрякова) о часах, которые постепенно наращивают ментальное «тело» концепта [Попова 2014: 641 – 643].

Анализируя вышесказанное, можно предположить, что успех процесса коммуникации зависит от того, насколько близки по своему содержанию концепты. Представителям разных культур сложнее понять друг друга, т. к. в сознании каждого из них закреплены ценности своей культуры.

Распространенной среди лингвистов является идея, согласно которой в языке отражаются, с одной стороны, общие, не зависящие от субъективного восприятия действительности носителями языка свойства окружающего мира, с другой стороны, в нем представлен субъективно-национальный компонент, сформированный на основе ментальных и культурных особенностей народа (этноса), говорящего на данном языке [Александров 2010: 26 – 29].

Разделяя данную точку зрения, Н. Ф. Алефиренко выделяет общекультурные концепты (мир, свобода, любовь, вечность), отражающие общечеловеческие ценности, и этнокультурные концепты («дача» – у русских, «фазенда» – у латиноамериканцев), полагая, что любой концепт содержит этнокультурный компонент, так как разные культуры сформировали индивидуальное представление о тех или иных ценностях.

З. Д. Попова, И. А. Стернин рассматривают концепт как глобальную мыслительную единицу, представляющую собой «квант структурированного

знания», существующий в виде мыслительных схем, картинок, понятий, сценариев, фреймов, гештальтов (сложных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира [Попова, Стернин 2007: 45].

Таким образом, единое представление о концепте и его определении отсутствует. В отношении подходов к трактовке указанного термина близкой к пониманию различия между ними считаем точку зрения В. И. Карасик. По его предположению, когнитивный и культурологический подходы различаются векторами по отношению к носителю языка: первый предполагает направление от индивидуального сознания к культуре, а второй – от культуры к индивидуальному сознанию [Карасик 2002: 18].

Наиболее релевантной для настоящего исследования является трактовка концепта как лингвокогнитивной сущности, в следствие чего представляется целесообразным придерживаться семантико-когнитивного (лингвокогнитивного) подхода его исследованию, включающего анализ наиболее полного набора средств выражения когнитивной структуры, то есть то, на чем концентрирует свое внимание большинство современных лингвистических исследований [Пименова 2014: 10].

Концепт как нельзя лучше репрезентируется в метафоре и отражает образное наполнение любого дискурса.

Начало изучению метафоры положил Аристотель. Метафорические переносы рассматривались им как необходимое средство языка, имеющее положительное воздействие на слушателя и усиливающее аргументацию. Основой метафорического переноса Аристотель обозначал подобие двух предметов и понимал метафору как сокращённое сравнение, из которого исключено указание на общий признак сравниваемых объектов [Аристотель 1978: 15 – 164]. Долгое время сравнительная теория метафоры в лингвистике считалась основополагающей. Все остальные наиболее значимые теории

метафоры, возникшие позже, опирались на сравнительную теорию Аристотеля.

В результате, традиционный (сравнительный) подход метафоре основывается на положении: метафора – языковое средство, результат замены слов или контекстных сдвигов. В классической риторике метафора была представлена в основном как перенос имени одного предмета на другой. Целью данного переноса является либо заполнение отсутствия в системе одного языка эквивалента для лексической единицы другого языка (лексической лакуны), либо некое «украшение» речи.

По мнению М. Блэка, существуют две причины метафорического словоупотребления: автор прибегает к метафоре в случае отсутствия возможности найти прямой эквивалент метафорического значения или при использовании метафорической конструкции с чисто стилистическими целями. Метафорический перенос, по его мнению, сочетает в себе уникальность семантического значения и стилистический потенциал, а иногда и то и другое одновременно являются функциональными особенностями любого метафорического переноса [Блэк 1990: 32].

К. А. Долинин называет метафору главным средством преодоления абстрактности. С помощью метафоры мы мгновенно постигаем сложные мысли, для которых в языке нет готовых наименований. «Причем эти сложные смыслы порождаются и воспринимаются не как соединения абстрактных понятий, а как комплексы конкретных представлений» [Долинин 1978: 231]. Как верно заметил Я. Парандовский, «метафора выручает словотворчество: без метафоры словотворчество было бы обречено на непрерывное производство все новых и новых слов и отяготило бы человеческую память неимоверным грузом» [Парандовский 1982: 4].

Согласно традиционной лингвистике в результате процесса метафоризации происходит «расширение смыслового объёма слова за счёт

возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств» [Ахманова 2004: 232].

Первыми о концептуальной метафоре как об особом типе переносного значения заговорили Д. Лакофф и М. Джонсон. Свои выводы они изложили в труде под названием «*Metaphors we live by*». Авторы сделали революционное предположение о том, что система нашего мышления метафорична по своей сути, поэтому метафора служит не только средством украшения речи, как считалось ранее, но и инструментом, с помощью которого наше мышление осуществляет свои функции [Лакофф, Джонсон 2004: 126 – 155].

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры являются концептуальными, поскольку они существуют одновременно в двух концептах, сферах. Эти две области или сферы, на стыке которых и существует метафора, получили следующие наименования: «*source domain*» («сфера-источник») и «*target domain*» («сфера-цель») [Там же: 9 – 11].

Таким образом, метафора в когнитивной лингвистике – это основная ментальная операция, объединяющая две понятийные сферы при концептуализации новой. Рассматривая когнитивную метафору как одну из форм концептуализации, Е. С. Кубрякова в «Кратком словаре когнитивных терминов» определяет ее как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Кубрякова 1996: 55].

Во многих современных лингвистических исследованиях изучение концептуальной метафоры осуществляется с точки зрения теории лингвистической интерпретации [Болдырев 2016; Панасенко 2014; Бронникова 2017]. Под интерпретацией понимается конкретная концептуальная семантическая структура, которая контекстуально обусловлена. Согласно данному подходу, когнитивные структуры обладают накопительным принципом, то есть расширяются под влиянием новой информации [Панасенко 2014: 74]. Концептуальная метафора

рассматривается в качестве механизма формирования данной структуры, то есть конкретного смысла с учетом социокультурной, когнитивно-дискурсивной или индивидуально-авторской интерпретации. Указанный механизм осуществляется с помощью языка, в следствие чего получает языковую интерпретацию [Леонтьева 2016: 503].

Таким образом, рассмотрев разные подходы к трактовке концепта, мы можем утверждать, что единое определение концепта отсутствуют. Однако, так или иначе, все они имеют общую черту: в них всегда подчеркивается актуальная для современной лингвистики идея комплексного изучения языка, сознания и культуры. Более того, на основе многочисленных трактовок понятия можно вывести обобщённую модель структуры концепта: круг, в центре которого лежит ядро концепта, состоящее из двух компонентов: ценностного и понятийного, и его периферии, где находится все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом.

Следовательно, *концептуальная метафора* как основное средство репрезентации концепта отражает качества и свойства объектов, наиболее значимые и культурно обусловленные именно для того общества, в языке которого данная метафора существует. Любая метафора существует одновременно на нескольких уровнях, а именно: в определённом контексте, тексте, дискурсе. В последнее время дискурсивный подход к исследованию языковых явлений получил широкое распространение в лингвистике.

1.2. Основные подходы в трактовке термина «дискурс»

Поскольку семантика языковых выражений не выводится только из языковых категорий, а сами высказывания производятся в определенных условиях, связь между значениями, реализованными в тексте, и социально-историческими условиями порождения данного текста играет важную роль, которую современная лингвистика отводит «дискурсу» [Язык. Текст. Дискурс 2009: 21].

Сегодня, по словам М. Л. Макарова, дискурс «в социальных науках играет роль, подобную той, что отведена евро в европейской экономике» [Макаров 2003: 11]. Резкое увеличение количества дискурсивно ориентированных работ позволило специалистам говорить о происходящем в различных областях знаний «дискурсивном перевороте» [Макаров 2003: 15]. Вместе с тем подходы к пониманию этого явления разнообразны. Большой вклад в изучение данного феномена внесли следующие зарубежные ученые: М. Фуко, Д. Шифрин, Т. Ван Дейк. В отечественном языкознании базовыми считаются работы О. Б. Сиротининой, Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасик, В. В. Красных, М. Л. Макарова, А. К. Прохорова и др.

Изначально во французской лингвистической традиции термины «дискурс» и «текст» рассматривались как тождественные. Развитие когнитивных методов исследования значительно продвинуло науку в понимании целесообразности разграничения двух понятий, однако, вопрос об их соотношении до сих пор является спорным. Не подвергается сомнению лишь тот факт, что «существование двух филологически релевантных феноменов в контексте друг друга не случайно, а диалектически закономерно» [Язык. Текст. Дискурс 2009: 24]. Говоря другими словами, дискурс и текст – понятия смежные, именно поэтому исследование одного феномена невозможно без участия другого.

Следует отметить, что ни текст, ни дискурс не обладают на сегодняшний день четкой общепринятой дефиницией. В отношении текста традиционным считается определение, предложенное И. Р. Гальпериным: «Текст – произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определенную

целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2007: 18]. Что же касается дискурса, то этот термин является одним из самых сложных и насчитывает более десяти, порой противоречащих друг другу определений.

Различают два подхода в анализе дискурса: *формальный и функциональный*. Так, например, в отношении языка и речи методология формализма предполагает анализ исключительно структурных особенностей языка, ссылаясь на отсутствие у последнего точно определяемых функций, и, тем самым, исключая необходимость его изучения в контексте социокультуры. Принцип функционализма, наоборот, рассматривает язык в качестве своеобразной знаковой системы, выполняющей ряд функций с целью достижения поставленных обществом задач [Макаров 2003: 74].

Большинство отечественных исследователей сходятся во мнении, что текста вне дискурсивной деятельности не существует: любому зафиксированному тексту предшествует дискурс. Так, В. И. Карасик трактует дискурс следующим образом: «дискурс – текст, погруженный в ситуацию общения, общение при посредничестве текста» [Карасик 2002: 287]. Примерно в том же ключе, только более образно выразилась Н. Д. Арутюнова: «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 296].

Солидарны с данной точкой зрения многие исследователи, в том числе В. Е. Чернявская. В своей работе автор выводит четкую формулу соотнесенности исследуемых феноменов: «только и именно текст в дискурсе» [Чернявская 2007: 7]. Такого же мнения придерживается Е. С. Кубрякова. Рассматривая дискурс и текст с когнитивной и языковой точек зрения, известный российский лингвист усматривает некую причинно-следственную связь между исследуемыми объектами и называет текст «детищем» дискурса [Кубрякова 2001: 72 – 81].

Разграничение понятий «дискурс» и «текст» является одной из важных и одновременно с этим сложных задач лингвистики, решение которой

осложняется тем, что в науке существуют параллельно развивающиеся подходы к исследованию данных явлений. Исходя из этого, считаем уместным остановиться на этом вопросе подробнее.

Итак, Е. И. Шейгал выделяет 4 дихотомии к разграничению дискурса и текста. В первом случае противопоставляются области, объектами изучения которых являются понятия: дискурс (лингвосоциология) – текст (лингвистика). Такой метод характерен для уже упомянутого нами формального подхода к анализу языка и речи. Далее, понятия представляются в оппозиции: «процесс» – «результат», «актуальность» – «виртуальность», «устный» – «письменный» соответственно [Шейгал 2000: 253].

В данной ситуации нами замечена некая коллизия: термин «дихотомия» употребляется в том случае, когда одно понятие разделяется на два взаимоисключающих. Мы считаем обоснованной точку зрения Т. В. Дроздовой, подчеркивающей, что «не следует проводить жесткой границы между текстом и дискурсом» [Там же: 34].

В работе М. Л. Макарова находим подобные парадигмы: «письменный текст» – «устный дискурс», «монолог» – «диалог» и, наконец, согласно третьей парадигме речь и текст являются неотъемлемой частью дискурса [Макаров 2003: 50 – 54].

Ввиду нечеткости и многообразия формулировок дискурса и текста, обобщим и выделим наиболее общие направления, по которым происходит разграничение двух смежных понятий. Для удобства представим их в виде таблицы следующим образом:

Таблица 1

Основные подходы к разграничению дискурса и текста

	Трактовка базовых понятий	
	Текст	Дискурс

1. Устный (дискурс) vs письменный (текст)	– понятие, касающееся системы языка, абстрактная грамматическая структура произнесенного	– понятие, касающееся актуального речевого действия – единица высшего уровня абстракции, под крышей которой существуют «вечные» тексты
2. Процесс (дискурс) vs продукт (текст)	– статичный продукт речетворческой деятельности, обладающий законченной (устной или письменной) формой	– когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством
3. Дискурс = текст + ситуация		– динамический процесс языковой деятельности, вписанной в социальный контекст
4. Дискурс = речь + текст	Текст – форма существования речевого общения Язык – средство для осуществления речевого общения	– тип осуществления речевого общения в любой репрезентации

На наш взгляд, первый подход является весьма несовершенным, так как не распространяется на ряд случаев. Например, речь делегатов на конференции – это одновременно письменно оформленный текст и его устная репрезентация во время выступления.

В рамках настоящего исследования отдается предпочтение второму, третьему и четвертому подходам, указанным выше, которые, на наш взгляд, не исключают, а лишь дополняют друг друга.

Достаточно подробно взаимоотношения текста и дискурса изложены А. Ю. Поповым в его работе «Основные отличия текста от дискурса» (2001). Результаты его исследования представим с помощью таблицы:

Таблица 2

Текст	Дискурс
Упорядоченность, каноничность	Спонтанность

Статичность	Динамичность
Закрытая коммуникативная текстовая система	Нацеленность на появление реакции собеседника
Произвольному выбору длины текста автором	Ограниченность дискурса во времени
Ограниченность выбора вербальных средств	Неограниченность в плане выбора вербальных и невербальных средств
Неизвестная ситуация восприятия текста	Принадлежность конкретной ситуации

Принципиальные различия между дискурсом и текстом можно сформулировать следующим образом:

1. дискурс — прагматичен, текст — исключительно лингвистическая категория;
2. дискурс — категория процесса, текст — категория результата (он статичен);
3. текст — абстрактная конструкция, дискурс — ее актуализация [Попов 2001: 41 – 44].

Теперь вернемся, собственно, к термину «дискурс» и постараемся сформулировать его определение в рамках нашей работы, опираясь на мнения авторитетных исследователей.

В целом, ученые выделяют три класса употребления термина «дискурс», соотносящиеся с различными национальными традициями и трактовками конкретных авторов [Бочарникова 2010: 50 – 52].

Первый класс пониманий характерен для англоязычной научной традиции. Его основная задача — уточнить и разграничить традиционные понятия текста, речи и диалога по отношению к дискурсу.

Второй класс восходит к французской научной традиции и связан, в первую очередь, с именем М. Фуко. В данном случае смежным понятием дискурсу выступает понятие «стиль», в результате чего появляются такие словосочетания, как «стиль Достоевского», «язык Пушкина» и т.п. Однако

существует мнение, что употребление таких словосочетаний некорректно, поскольку отсутствует реальная ситуация диалога с автором.

Третий класс пониманий можно сформулировать, ссылаясь на мнение немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. В его понимании, «дискурс – аргументация и понимание людей, имеющих один жизненный мир, аргументация, которая выдвигается в предположении коммуникативной рациональности, освобожденной от инструментально-рациональных связей» [Хабермас 2003: 174].

Н. Д. Арутюнова рассматривает дискурс как связный текст, взятый в понятийном аспекте в совокупности с психологическими, экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, и другими факторами, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [Арутюнова, Журина 1990: 136 – 137].

Г. Н. Манаенко считает, что дискурс – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в определенной сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями и стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, отражающих его специфику [Манаенко 2009: 236].

В определенной степени схожей является точка зрения Ю. С. Степанова, который определяет дискурс как особое использование языка, «за которым встает особая грамматика, особая лексика, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика» [Степанов 1998: 676]. Вслед за этим логичным представляется вывод, сделанный Ю. Н. Карауловым, о том, что за каждым продуктом дискурса, текстом, стоит языковая личность, владеющая определенной системой языка [Караулов 1987: 27]. Учитывая этот факт, можно сделать выводы о том, что дискурс неотделим от языковой личности и личности как субъекта культуры в целом.

Итак, анализируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его

употребления, не существует. Несмотря на это, многие исследователи сходятся во мнении, что дискурс – понятие многогранное, и при его анализе необходимо учитывать множество факторов: социально – исторические условия развития, стереотипы организации и интерпретации текста, индивидуальные особенности автора и т.д.

Принимая во внимание различные подходы к определению дискурса, целесообразным считаем рассматривать данный феномен в качестве «процессуальной матрицы», включающей различные виды дискурсивных, частных, индивидуальных и обще-ситуативных практик [Безруков 2015: 129].

Учитывая специфику материала нашего исследования, под «художественным дискурсом» будем понимать социокультурное взаимодействие между автором и читателем, выраженное в форме диалога сформированных культурой и индивидуальным опытом сознаний [Миловидов 2016: 34]. Лингвокогнитивный подход к перцепции дискурса позволит сферически представить модель текста, и как следствие, достичь более глубокого понимания идейной и смысловой составляющих.

1.3. Основные методики когнитивных лингвистических исследований

Эвристический потенциал когнитивного подхода к исследованию метафоры во многом объясняет повышенный интерес современных исследователей к данному феномену. Многочисленные исследования, направленные на изучение механизмов метафоризации и способов репрезентации когнитивных структур, основываются на различных, не взаимоисключающих друг друга подходах.

Базой современных исследований является *классическая теория концептуальной метафоры* Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой процесс метафоризации строится на взаимодействующих структурах знаний (фреймах и сценариях) двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. Формирующиеся в результате взаимодействия человека с

окружающим миром элементы сферы-источника актуализируют менее понятную концептуальную сферу-мишень. Подобная метафорическая проекция составляет сущность когнитивного потенциала метафоры [Лакофф, Джонсон 2004: 9 – 11].

Тезис об однонаправленности процесса метафоризации от сферы-источника в сферу-мишень подвергается пересмотру многими исследователями. Так, М. Тернер и Ж. Фоконье, являющиеся основателями *теории концептуальной интеграции*, в отличие от двухдоменной модели предлагают рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство – бленд (blend). В бленде происходит смешение исходных пространств, в результате чего образуется качественно новая, не зависящая от исходных пространств, самостоятельная концептуальная структура [Turner, Fauconnier 2000: 137]. Однако, по мнению критиков, предложенная Фоконье и Тернером модель носит слишком абстрактный характер, поскольку не объясняет процесс отбора структурных элементов, востребованных в бленде, а также не обладает достаточной аргументацией культурно-исторического анализа и психолингвистических экспериментов [Gibbs 2000: 347 – 358].

В более поздних работах Ж. Фоконье и Дж. Лакофф разграничивают понятия «эмпирический» и «экспериментальный», указывая на вспомогательную роль последнего. По мнению исследователей, основу эмпирической методологии в традиционной и когнитивной лингвистике, особенно в сфере когнитивной семантики, составляют традиционные лингвистические исследования, возврат к которым представляется возможным и обоснованным [Fauconnier, Lakoff 2009: 393 – 399].

Особый подход к концептуальной метафоре в Люблинской этнолингвистической школе описан в работе Й. Цинкена. Данная теория метафоры объединяет антропологический и когнитивный аспекты в изучении

языка, подчеркивая необходимость учета социокультурных условий функционирования языка и когниции, что подразумевает собой расширение рамок исследования за счет реконструкции языковых картин мира, анализа социальных (национальных, профессиональных, гендерных и др.) стереотипов [Zinken 2003: 517].

На основании вышеизложенного можно отметить тот факт, что важными принципам в методологии науки последних лет стали: уход от формальных моделей, а также проведение анализа процессов в режиме реального времени, с учетом фактической ситуацией, то есть контекста [Hertwig, Hoffrage 2012: 374]. Необходимость учета уникального коммуникативного контекста при интерпретации метафор подчеркивается в *коннективной теории метафорической интерпретации*, предложенной Д. Ричи. По мнению исследователя, метафоры следует анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, включающем детальную репрезентацию речевого сообщения на основе предшествующего опыта участников коммуникации, включающего как общий, так и индивидуальный фонды знаний и убеждений [Ritchi 2003: 49 – 53].

В одной из своих работ Д. Ричи приводит яркий пример, иллюстрирующий значимость контекста при интерпретации метафоры. Так, смысл высказывания «My wife is my anchor» может быть интерпретирован в совершенно различных направлениях в зависимости от того, какие отношения складываются у говорящего с женой [Ritchie 2004: 281]. Возможно выделение как минимум двух векторов развития мысли. С одной стороны, в случае отсутствия каких-либо трудностей, якорь «anchor» будет являться символом стабильности, поддержки, надежной опоры. И, наоборот, подобное сравнение может означать отсутствие свободы действия, ограниченность, застой, то есть те негативные последствия, которыми сопровождается жизнь говорящего под влиянием жены. Таким образом, концепт «якорь» может одновременно быть частью сфер-цели «физическая

стабильность» и «свобода действий», формирующих модель «Жизнь – это путешествие». В результате правильная интерпретация метафорического выражения возможна лишь в том случае, когда реципиент осведомлен о предыдущем опыте говорящего или условиях, оказавших влияние на выбор им определенной метафоры [Kovecses 2016: 173 – 187].

Таким образом, основными аспектами, принимающимися во внимание в большинстве подходов к когнитивному анализу, являются дискурсивная и семантическая составляющие. Как следствие этого, представляется правомерным, выделение двух направлений в методологии когнитивных лингвистических исследований. Представители первого направления идут от когниции к языку. Направление исследований в рамках второго подхода предполагает движение от языковых единиц к когнитивным структурам [Бруквина 2016: 53].

Исследователи, работающие в рамках первого направления, признают универсальный характер когнитивных механизмов, следовательно, их моделирование осуществляется без учета специфики языков, особенностей менталитетов, социальных и культурных условий. Представители второго направления, в свою очередь, учитывают не только национально-культурную специфику видения мира, но также концентрируют внимание на различных проблемных областях когнитивной семантики, отмечая роль языковых единиц в качестве фиксаторов концепта и указателей определенной сферы внимания и интересов человека [Там же: 56 – 58].

Считая правомерной идею о том, что путь исследования «от языка к концепту» является наиболее надежным, и анализ языковых средств позволяет смоделировать концепт, выявив свойственные ему признаки, рассмотрим несколько работ, в которых осуществляется семантико-когнитивный подход к анализу структур. Исследования в русле этого направления осуществляются А. П. Бабушкиным (Бабушкин 1996),

З. Д. Поповой и И. А. Стерниным (Попова, Стернин 2007), А. Вежбицкой (Вежбицкая 1999, 2001, 2011), В. З. Демьянковым (Демьянков 2007) и т.д.

Л. А. Тавдгиридзе и И. А. Стернин выделяют следующие этапы семантико-когнитивного исследования концептов [Тавдгиридзе 2006: 6-39]:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.
4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка.

Современные лингвистические исследования в большей степени акцентируются на реконструкции концептов посредством анализа определенных способов и средств их репрезентации в языке. Одним из таких способов является метафорическое моделирование.

Базовым признакам метафорической модели А. П. Чудинов считает наличие исходной понятийной области, новой понятийной области, семантического компонента, связывающего значение первичной и вторичной семантических сфер, и дающего основания для метафоризации [Чудинов 2001: 44-45]. Согласно его определению, *«метафорическая модель – это существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: «X – это Y»* [Чудинов 2003: 40].

По мнению А. П. Чудинова, для описания метафорической модели необходимо выявить ее следующие признаки:

1. исходную понятийную область (сферу-источник), к которой относятся слова, охватываемые моделью в первичном значении;

2. новую понятийную область, (сферу-мишень), к которой относятся слова, охватываемые моделью во вторичном значении;
3. семантический компонент, связывающий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью слов;
4. фреймы, относящиеся к данной модели и структурирующие соответствующую понятийную область (семантическую сферу);
5. охарактеризовать составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, включающие часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации, а также назвать типовые концепты, образующие слот;
6. оценить продуктивность модели (то есть способность к развертыванию) и ее частотность, а также ее «тяготение» к определенным функциональным стилям и подстилям, речевым жанрам, дискурсам и т.п.;
7. оценить прагматический потенциал модели, воздействие соответствующих метафор на адресата [Чудинов 2001: 44-46].

Система метафорических моделей – это «важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией» [Чудинов 2007: 131].

Однако художественный дискурс имеет свои особенности. Организация текстового пространства в нем осуществляется согласно задумке автора. Поэтому когнитивные процессы, происходящие в сознании читателя, разыгрываются по спланированному сценарию.

Художественное произведение – это речь, обращенная к публике, имеющая установку на активное ответное понимание со стороны адресата с целью его воспитания или убеждения в чем-то [Малетина 2004: 2-6]. Адресант ожидает ответную реакцию со стороны адресата, которая может быть выражена в форме согласия, сочувствия или возражения. Таким образом, основная задача читателя – декодирование содержания произведения путем осмысления значимости каждого элемента системы

образов. Автор сообщает читателю информацию о мире художественного произведения с целью достичь взаимопонимания, которое возможно лишь в случае правильной интерпретации и оценки прочитанного [Там же].

В связи с тем, что большинство когнитивных подходов ориентировано на анализ языковых средств репрезентации концепта, считаем целесообразным в нашем исследовании использовать элементы семного анализа, позволяющего описать значение как упорядоченную совокупность отдельных семантических компонентов. Анализ слов в пределах небольших семантических группировок обусловлен теоретическими положениями когнитивного подхода к семантике. В результате синонимы и близкие по значению слова, относящиеся к одному микрофрейму, будут различаться своими когнитивными моделями, и выбор одной из них раскрывает суть когнитивного процесса метафоризации [Беляевская 2005: 10].

На наш взгляд, широкое разнообразие методик когнитивных лингвистических исследований объясняется многоаспектностью исследуемого ими феномена (концепта). Кажется, ввиду своей безграничности, концепт ставит перед его исследователями невыполнимую задачу – объять необъятное. Однако желание получить как можно более исчерпывающее представление о каком-либо фрагменте действительности оказывается сильнее, в связи с чем поиск эффективных методик исследования продолжается до сих пор.

Приоритетным для нашего исследования является взгляд на репрезентацию концепта дискурса посредством выявления и описания системы доминантных метафорических концептуальных моделей как инструмента, дающего знание о специфике категоризации и когнитивного структурирования фрагмента действительности, выраженного соответствующим концептом и объективированного в дискурсе с помощью языковых средств репрезентации.

Выводы по главе I

На основании рассмотренного теоретического материала было установлено следующее:

Концепт – ключевая фигура современных научных исследований. Сам термин «концепт» используется чрезвычайно широко и при этом совершенно по-разному в зависимости от выбранного объекта исследования.

Изучение природы концепта является одной из первостепенных задач когнитивной лингвистики, которая рассматривает указанный феномен в качестве единицы сознания, имеющей языковое выражение и этнокультурную специфику. Одним из способов выявления взаимосвязи между имеющимися в сознании человека концептами является метафорическое моделирование.

Концептуальная метафора – основное средство репрезентации концепта, отражающее качества и свойства объектов, наиболее значимые именно для того общества, в языке которого данная метафора существует. Принято считать, что метафора раскрывает свой потенциал лишь в определенном контексте, который является неотъемлемым компонентом дискурса, сложной системы представления знаний, включающей, кроме текста, экстралингвистические факторы, необходимые для его понимания.

Таким образом, весь окружающий дискурс поясняет метафору. Взаимозависимость метафоры и дискурса можно выразить следующим образом: контекст дискурса предопределяет использование метафор и в то же время объясняет употребление метафор этим же самым контекстом.

Благодаря большому количеству изобразительных средств, используемых в художественном тексте, художественный дискурс является одним из самых эффективных способов понимания и усвоения культурного, исторического и личного опыта человека во взаимодействии с окружающей действительностью.

Глава II. Языковое оформление концептуальной метафоры «природное явление» в дискурсе Люси Монтгомери

В рамках данной главы будет проведен анализ концептуальной метафоры «природное явление» на основе контекстов из исследуемого романа. Анализ включает в себя: выделение лексических единиц, участвующих в построении различных метафорических моделей, а также выявление лексических средств их репрезентации.

2.1. Лексические единицы, организованные в поле текстового концепта «природа»

Дж. А. Миллер, автор статьи под названием «Образы и модели, уподобления и метафоры» [Миллер 1990: 240] определяет понятие «текстового концепта» как всю текстовую массу произведения, построенную на некоей семантической модели. По мнению указанного лингвиста, с помощью начальной модели мы воспринимаем новую информацию, запоминаем и расширяем ее до формы текста. Следовательно, именно сюжет становится полем для распространения заложенной автором информации в художественном произведении.

Задача автора художественного произведения состоит в том, чтобы раскрыть ту или иную модель как можно шире с помощью выбранных средств репрезентации с целью донесения до читателя основной идеи текста. «Читателю дан текст, т.е. цепочка описательных предложений, а не модель. Он должен найти совместимую с этими предложениями модель (включая и авторскую)» [Арутюнова, Журина 1990: 240]. Вслед за Дж. Миллером, мы считаем, что поиск моделей – необходимое условие в исследовании текстового концепта.

Известно, что пейзаж выполняет самые разнообразные функции в тексте: он незаменим для тонкого психологического анализа душевного состояния героев, для яркой характеристики обстановки, в которой разворачиваются те или иные события. Картины природы раскрывают мысли,

чувства и переживания самого автора, выполняют идейно-композиционную роль, т.е. помогают раскрытию идеи произведения. По созданию того или иного пейзажа можно судить об отношении автора к своим героям, о его взглядах на природу, о ее роли в жизни общества и человека. Поэтому пейзаж является важным средством психологического анализа.

Поскольку пейзаж является также семантическим полем природы, считаем важным рассмотреть вопрос о художественной картине мира, которая формирует пейзаж и сюжет в произведении. Выделенные на основе ключевых лексем и их дериватов элементы природы таковы:

1. **мир растений** («*tree* – дерево» (68), «*woods* – роща» (33), «*plum* – слива» (10), «*willow* – ива» (2), «*cherry – tree* – вишня» (20), «*fern* – папоротник» (16), «*maple* – клен» (16), «*flower* – цветок» (55), «*rose* – роза» (55), «*birch* – береза» (25), «*geranium* – герань» (6));
2. **свет** («*Sun* – солнце» (5), «*sunshine* – солнечный свет, погода» (12), «*sunlight* – солнечный свет» (6), «*twilight* – сумерки» (20), «*daylight* – дневной свет» (2), «*sunset* – закат» (14), «*light* – свет» (146), «*shadow* – тень» (20), «*moon* – луна (9), «*moonlight* – лунный свет (12));
3. **воздушно-пространственная перспектива** («*air* –воздух» (14), «*sky* – небо» (22), «*star* – звезда» (66), «*wind* – ветер» (15), «*rain* – дождь (5), «*rainbow* – радуга (7));
4. **вода** («*water* – вода» (51), «*brook* – ручей» (42), «*pond* – пруд» (23), «*river* – река (20));
5. **время года** («*winter* – зима» (32), «*autumn* – осень» (4), «*summer* – лето» (31), «*spring* – весна» (16)).

В итоге составленный нами «природный» словник на избранном материале насчитывает 35 лексем в 855 словоупотреблениях (с/у). Структура ЛСГ природных единиц, отмеченных в анализируемом тексте, имеет «полевой» характер. Центр «поля» представлен ядерной лексикой, которую составляют наиболее употребительные, общие по своим значениям слова,

входящие в состав одной из выделенных нами групп-элементов природы: 31% (с/у) – мир растений, 29% (с/у) – свет, 17% (с/у) – воздушно-пространственная перспектива, 11% (с/у) – вода; 11% (с/у) – время года; периферия представлена лексемами, составляющими 1 % словоупотреблений: названия трав, цветов, месяцев года (см. Приложение 1).

Таким образом, в романе представлены объекты живой природы (мир растений) и природы неживой (стихии, небесные тела и др.). Обе сферы изначально составляли ближайший круг интересов человека, знания о данных областях использовались для осмысления человеческого существования, духовной жизни и внутреннего мира человека.

В. А. Степаненко отмечает, что познание души первоначально идет через природу и отождествляется с тремя стихиями – огнём, воздухом, водой и их производными – ветром, паром, дымом и пр. [Степаненко; цит. по: Кондратьева 2004: 117]. Возможность передачи эмоционального состояния героя посредством описания природных объектов и наделения их человеческими качествами определяется тесной связью между людьми и природой. Как следствие этого, К. Леви-Стросс заметил следующее: «антропоморфизм природы и физиоморфизм человека <...> образуют постоянные составляющие, меняется лишь их дозировка» [Леви-Стросс 1999: 288].

Антропоморфизм – одна из форм освоения человеком мира. По мнению Т. Нагеля, непознанное следует включить в пространство научного знания в его непознанной форме, схваченной метафорически, эстетически, в противном случае, научное знание неполно само по себе.

Так, в одном из эпизодов исследуемого нами романа главная героиня примеряет на себя образ цветка яблони и понимает, что никогда не хотела бы оказаться на его месте.

I wouldn't want to be picked if I were an apple blossom.

Энн Ширли на протяжении всего произведения стремится познать окружающий ее мир. Именно поэтому, выражаясь словами К. Леви-Стросса, «дозировка» антропоморфной концептуальной метафоры в романе является самой высокой. В следующем параграфе нами будет представлена интерпретация выделенных метафорических моделей.

2.2. Метафорическая модель «Природа – это человек»

Проанализировав контекстные воплощения метафорической модели «Природа – это Человек», мы выявили, что наиболее регулярно при метафорической номинации разных аспектов концептуальной сферы «природа» актуализируются следующие сферы-источники:

1. физиологические признаки (пол, возраст) и внешность человека;
2. речевое сообщение;
3. эмоции и состояния;
4. движение (перемещение в пространстве);
5. статус (положение в обществе).

Далее, проанализируем языковые средства, участвующие в образовании выделенных подмоделей.

2.2.1. Метафорическая подмодель физиологических признаков

Определение физиологических особенностей, которыми автор наделяет природные объекты в романе, необходимо для правильной интерпретации различных смыслов, заложенных в тот или иной образ. Возрастные и гендерные признаки могут быть выявлены на материале лексических единиц, относящихся к разным частям речи, ключевыми из которых являются прилагательные и существительные.

1. *Hollow it was a quiet, **well-conducted** little stream, for not even a brook could run past Mrs. Rachel Lynde's door without due regard for **decency** and **decorum** [Montgomery 2016: 2].*

В данном контексте ручей (*stream*) посредством олицетворений *quiet* в значении (of a person) '*tending not to talk very much*', а также *well-conducted* (of a person or animal) '*behaving in a satisfactory manner*' ассоциируется с ребенком, поскольку чаще всего данные определения используются в характеристике поведения детей. Семантика лексемы *regard* – '*If you have regard for someone or something, you respect them and care about them*' предполагает уважительное уважение к чему-либо. Лексический контекст указывает на то, что речь идет о моральных нормах, умении вести себя в обществе, уважении к старшим. Последнее наглядно демонстрирует сама речевая ситуация, описанная в контексте 1. Базовым семным компонентом таких лексических единиц, как *decency* – '*quality or condition of being decent; propriety of conduct and speech; proper behavior, modesty, courtesy*', *decorum* – '*an act or requirement of polite behavior*', является сема «behavior», которая, в свою очередь, является интегральной и актуализирует вышеупомянутый лексико-семантический вариант лексемы *regard*.

Следовательно, автор помещает природные объекты в возрастную категорию, за которой необходимо осуществлять контроль, обучать правилам поведения в обществе, нормам морали. Более того, параметрические характеристики, заложенные в семантике лексических единиц, называющих субъекты действия, а именно: *stream* – '*a small, narrow river*', *brook* – '*a small stream*' равным образом служат подтверждением тому, что автор сосредотачивает своё внимание на менее опытной, незрелой социально-возрастной группе. Правомерность подобного суждения объясняется тем, что несформулированное понимание меры вещей свойственно каждому человеку. Некой нормой здесь выступает обобщенное представление о предмете, в данном случае, водном объекте – потоке воды значительных размеров (*river* – 1. *A large natural stream of water flowing in a channel to the sea, a lake, or another river*' [oxfordlearnersdictionaries.com]). Таким образом, автор прибегает к использованию слов (*stream, brook*) неслучайно. Именно

наличие семного компонента «*small*» в данных лексических единицах, одно из значений которого (2. *Not fully grown or developed; young*) обеспечивает ассоциативную связь природы с образом ребенка. В результате, создается персонифицированный образ природного объекта.

Незрелость некоторых природных объектов многократно подчеркивается автором также благодаря частотному употреблению лексемы *young*.

2. *Anne sighed and betook herself to the back yard, over which **a young new moon** was shining through the leafless poplar boughs from an apple-green western sky, and where Matthew was splitting wood [Montgomery 2016: 244].*
3. *It's all full of rainbows – just **little young rainbows** that haven't grown big yet--and Diana's mother told her it was broken off a hanging lamp they once had [Montgomery 2016: 117].*

Таблица 3

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Young, adj.	1. A young person, animal, or plant has not lived or existed for very long and is not yet mature [collinsdictionary.com].	КЛС	признак
		ДС1 – субъект	одушевленный предмет
	2. Youthful or having qualities associated with youth; <u>vigorous</u> or lively [collinsdictionary.com].	ДС2 – возраст	молодой
		ДС3 – объект проявления	поведение
	3. having lived or existed for only a short time; not fully developed [dictionary.com].	ДС4 – характер проявления	незрелость эмоциональная неустойчивость энергичность

Лексема *vigorous* в значении ‘*using a lot of energy and strength or determination*’ актуализирует дифференциальную сему «энергичность» в семном составе прилагательного *young*.

Выделенная на основе словарных дефиниций сема «одушевленный предмет», характеризующая субъект, к которому данный признак относится, позволяет сделать вывод о том, что для создания образа вышеуказанных неодушевленных природных объектов *rainbow* (радуги), а также *moon* (луны) был использован прием персонификации. Содержащиеся в семном составе компоненты указывают не только на молодой возраст субъектов, но также и на их эмоциональное и физическое состояние. Эмоциональная неустойчивость, энергичность – основные черты, приписываемые природным объектам.

4. *Outside in the garden, which was full of mellow sunset light streaming through the dark **old firs** to the west of it, stood Anne and Diana, gazing bashfully at each other over a clump of gorgeous tiger lilies [Montgomery 2016: 109].*

Наличие лексемы **old** ‘*far advanced in the years of one's or its life*’, участвующей в описании ели, подтверждает факт наличия представителей старшего поколения в «обществе» природы, что так же прослеживается в последующем контексте.

5. *Very green and neat and precise was that yard, set about on one side with great **patriarchal willows** and the other with prim Lombardise [Montgomery 2016: 4].*

Таблица 4

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Patriarchal, adj.	1. ruled or controlled by men; giving power and importance only to men [oxfordlearnersdictionaries.com]. 2. connected with <u>patriarch</u> 2.1. the male head of a family or community 2.2. an old man that people have a lot of respect for [oxfordlearnersdictionaries.com].	КЛС	признак
		ДС1 – субъект	преимущ. общество
		ДС2 – объект проявления	старшее поколение
		ДС3 – характер проявления	уважение

Лексемы *fatherly, maternal, paternal*, являющиеся синонимами лексемы *patriarchal*, не содержат в своём значении компонент «уважительное отношение». Следовательно, выбор данного прилагательного (*patriarchal*), участвующего в описании природного объекта (ивы), можно назвать обоснованным, подчеркивающим наличие разных возрастных категорий в «обществе» природы. Также дифференциальная сема «уважение» позволяет сделать вывод о том, что формирование самосознания молодого поколения, представители которого были описаны выше, происходит на основе почитания старших.

В следующих контекстах будет предпринята попытка определить гендерный компонент, заложенный в образ, с которым сравнивается природа в романе.

6. *Here and there a wild plum leaned out from the bank like a white-clad girl tip-toeing to her own reflection [Montgomery 2016: 26].*

В данном контексте посредством метафорического сравнения дерево появляется в женском облике. Лексема *girl* в значении 'a young woman', говорит о молодости и незрелости метафорического персонажа, дерева.

7. *What did that tree, leaning out from the bank, all white and lacy, make you think of?" she asked. "Well now, I dunno," said Matthew. "Why, a bride, of course – a bride all in white with a lovely misty veil. I've never seen one, but I can imagine what she would look like [Montgomery 2016: 18].*

Благодаря использованию лексемы *bride* (невеста) – 'a woman on her wedding day, or just before or just after it', персонаж (дерево) в вышеуказанном контексте вновь принимает женский облик. Образ невесты является символом молодости, чистоты, непорочности. Использование данной лексемы также имеет свои основания. Именно в юношеском возрасте между мальчиками и девочками впервые возникают романтические отношения.

Лексемы, участвующие в описании внешности, также содержат в себе гендерный признак. Так, например, прилагательное *beautiful* традиционно используется для описания преимущественно женской красоты.

8. *Spring had come once more to Green Gables – **the beautiful** capricious, reluctant Canadian **spring**, lingering along through April and May in a succession of sweet, fresh, chilly days, with pink sunsets and miracles of resurrection and growth [Montgomery 2016: 202].*
9. *OCTOBER was a **beautiful** month at Green Gables, when the birches in the hollow turned as golden as sunshine and the maples behind the orchard were royal crimson and the wild cherry trees along the lane **put on** the loveliest shades of dark red and bronzy green, while the fields sunned themselves in aftermaths [Montgomery 2016: 152].*

Таким образом, посредством персонификации, сезоны года появляются в женском облиии. Характерные для женского образа черты просматриваются также в лексемах, в компоненте значения которых присутствуют семы, указывающие на род деятельности, которым занимается природа как субъект определенного действия. Учитывая тот факт, что дерево олицетворяет собой девушку, фразовый глагол **put on** в значении ‘*When you put on clothing or make-up, you place it on your body in order to wear it*’ дополняет и раскрывает сложившийся образ, делает его ярче. Прилагательное **loveliest** – ‘*If you describe something as lovely, you mean that it gives you pleasure*’ [collinsdictionary.com], говорит о том, что действие (процесс примерки) доставляет большое удовольствие.

10. *There were myriads of **delicate** “**June bells**,” those shyest and sweetest of woodland **blooms**, and a few pale, aerial starflowers, like the spirits of last year’s blossoms [Montgomery 2016: 81].*

В вышеуказанном контексте лексема **delicate** – ‘*is easy to harm, damage, or break, and needs to be handled or treated carefully*’, содержит в компоненте своего значения такие семы, как «хрупкость», «ранимость», «потребность в бережном обращении», являющиеся стереотипными чертами фемининности [collinsdictionary.com].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что реализация метафорической подмодели физиологических признаков осуществляется в романе на основе лексем разной частеречной принадлежности:

существительных, прилагательных, глаголов. Лексические средства, такие как метафорическое сравнение, персонификация участвуют в формировании образа природы, который на основе ключевых контекстных лексем чаще всего ассоциируется с юной девушкой.

2.2.2. Метафорическая подмодель речевого сообщения

Итак, для анализа данной подмодели были отобраны следующие контексты:

11. *Wouldn't it be nice if roses could talk? I'm sure they could tell us such lovely things*
[Montgomery 2016: 49].

Рассмотрим лексику *to talk*.

Таблица 5

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Talk, v	1. <u>to say</u> things; to speak in order to give information or to express feelings, ideas, etc. [oxfordlearnersdictionaries.com]. 1.1. <u>to say</u> – <u>to speak</u> or <u>tell</u> somebody something, using words; 1.1.1. <u>to speak</u> – <u>to talk</u> to somebody about something; to have a conversation with somebody [oxfordlearnersdictionaries.com]. 2. If you talk to someone, you tell them about the things that are <u>worrying</u> you [collinsdictionary.com]. 3. to give a speech; if someone who has secret information talks, they tell someone else about it [ldoceonline.com].	КЛС	речевое сообщение
		ДС1 - Субъект действия	исполнитель (говорящий), преимущ. человек
		ДС2 - Объект действия	информация (факты, секрет, идеи)
		ДС3 - Направленность действия	на собеседника или группу людей
		ДС4 – Цель действия	сообщение информации, выражение чувств, переживаний
		ДС5 – Обстоятельственный компонент	словами публично
		КК	нейтральный

В ходе анализа дефиниций возникла ситуация взаимоопределения: to talk → to say → to speak → to tell → to talk. Выделенная на основе значений позиция субъекта действия предполагает лексику, указывающую на одушевлённое лицо. Исходя из этого, можно утверждать, что в данном контексте встречаем олицетворенный природный объект (*roses*), наделенный исключительной способностью человека выражать свои мысли и чувства.

Сема «выражение чувств», согласно позиции и функции, в структуре слова, является дифференциальной, уточняющей КЛС. Её наличие обусловлено другими семами, входящими в состав словарных дефиниций в качестве объекта и цели действия, определяющих друг друга. Так, словосочетание *lovely things* в данном контексте конкретизирует сему «объект действия», а также актуализирует дифференциальную сему, представляющую одну из целей речевого сообщения – выражение эмоций. Эмотивное прилагательное *lovely*, имеющее значение ‘*very enjoyable and pleasant; wonderful*’ косвенно отражает эмоциональное состояние субъекта действия, определяя его как положительное. Наречие-интенсификатор *such* усиливает положительную коннотацию синтаксемы *lovely things*, тем самым позволяя нам сделать вывод о благоприятном эмоциональном состоянии, в котором находится природа как субъекта действия в анализируемом отрывке.

В отношении других компонентов предложения, стоит отметить личное местоимение *us*, выражающее сему «направленность действия на группу людей», что говорит об открытости субъекта действия (*roses*), его желании разделить радость с собеседниками.

12. *Gossamers glimmered like threads of silver among the trees and the fir boughs and tassels seemed to utter friendly speech* [Montgomery 2016: 81].

Таблица 6

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
utter, v	1. to give audible expression to (something) [oxfordlearnersdictionaries.com].	КЛС	речевое действие
		ДС1 - Субъект	исполнитель

2. to make publicly known; publish [oxfordlearnersdictionaries.com]. 3. to express (oneself or itself), especially in words [dictionary.com]. 4. to produce, speak, or express audibly (speech sounds, syllables, words, thoughts, etc.) [collinsdictionary.com].	действия	(говорящий), преимущ. человек
	ДС2 - Объект действия	информация (факты, секрет, идеи)
	ДС3 - Направленность действия	на группу людей
	ДС4 – Цель действия	сообщение информации, выражение чувств, переживаний
	ДС5 – Обстоятельственный компонент	словами публично
	КК	нейтральный

На основании выделенных сем и их семантической реализации, можно утверждать, что глагол *to utter* является синонимом глагола *to talk*. Словосочетание *friendly speech*, с которым вступает во взаимодействие данный глагол, раскрывает доброжелательный настрой, а также открытость как положительную черту характера говорящего, в данном случае, природного объекта.

В следующем отрывке глагол *to whisper* участвует в образовании подмодели, выделенной на основе КЛС «речевое сообщение».

13. *Here Diana met her, and the two little girls went on up the lane under the leafy arch of maples – “maples are such sociable trees,” said Anne; “they’re always rustling and whispering to you” – until they came to a rustic bridge [Montgomery 2016: 134].*

Таблица 7

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Whisper, v.	1. to speak very quietly to somebody so that other people cannot hear what you are saying	КЛС	речевое сообщение
		ДС1 - Субъект действия	исполнитель (говорящий),

	<p>[oxfordlearnersdictionaries.com].</p> <p>2. If people whisper about a piece of information, they talk about it, although it might not be true or accurate, or might be a secret [collinsdictionary.com].</p> <p>3. to say or suggest something privately or secretly [ldoceonline.com].</p> <p>4. <u>to utter</u> with soft, low sounds, using the breath, lips, etc. [dictionary.com].</p>		преимущ. человек
		ДС2 - Объект действия	информация (факты, преимущ. секрет)
		ДС3 - Направленность действия	на одного собеседника
		ДС4 – Цель действия	сообщение информации выражение чувств, переживаний, сомнений
		ДС5 – Обстоятельственный компонент	словами наедине
		ДС6 - интенсивность	негромко
		КК	нейтральный

На основании выделенных сем можем утверждать, что глагол *to whisper* вместе с глагольными лексемами *to talk*, *to tell*, *to utter* образует синонимический ряд. Доминантой данного ряда выступает глагол *to speak*, содержащий в своей смысловой структуре то общее, что объединяет все слова ряда, то есть сам факт речевого действия.

Лексическое заполнение приглагольных позиций данного глагола актуализирует взаимоопределяющие друг друга дифференциальные семы: «один собеседник», «наедине», характеризующие направленность и обстоятельство действия. Учитывая этот факт, стоит отменить, что местоимение *you* в данном контексте обозначает одно лицо, подчеркивая тем самым тесную индивидуальную связь между человеком и природой.

На основании этого приходим к выводу, что для природы, как и человека, важна эмоциональная близость с собеседником, которая подразумевает под собой наличие искренности и доверия в отношениях, желания делиться собственными мыслями и переживаниями с тем, кто способен проявить внимание и сочувствие, а главное – правильно услышать и понять.

Лексема *whisper* привносит дополнительную дифференциальную сему «негромко», свидетельствующую о разнообразии не только в плане направленности речевого действия, но и его интенсивности, которая является показателем некой эмоциональной сдержанности субъекта действия. Некоторые отличия просматриваются также в наличие дифференциальных сем «направленность действия – на группу людей», «публично», входящих в состав вышеуказанных глаголов, в то время как глагол *to whisper* предполагает взаимодействие лишь с одним собеседником. Семы «наедине» и «публично», находящиеся в оппозиции друг к другу, свидетельствуют о существовании двух совершенно разных способах выражения эмоций: открыто и сдержанно, которые в свою очередь являются показателями противоположных качеств личности: экстра- и интроверсии.

Таким образом, на основании проанализированных контекстов можно сделать вывод о том, что природные объекты персонифицированы. Посредством данного лексического средства автор наделяет природу способностью говорить и тем самым выражать свои чувства и эмоции.

2.2.3. Метафорическая подмодель эмоций

Так, исследуя контекстные реализации языкового воплощения концепта «природа» в романе, нами был выделен ряд прилагательных и существительных, в которых сема «эмоциональное состояние» может выступать в качестве как категориально-лексической, так и дифференциальной («психические качества личности»).

Лексика со значением эмоционального состояния, представленная в романе, имеет различную частеречную принадлежность. Особую роль в анализируемом произведении играют прилагательные и существительные, участвующие в репрезентации эмоций, которые, в свою очередь, играют важную роль в раскрытие образа природы в романе.

14. *Here Diana met her, and the two little girls went on up the lane under the leafy arch of maples – “maples are such **sociable** trees,” said Anne; [Montgomery 2016: 134].*

Так, в контексте 14 встречаем лексему **sociable**, характеризующую психическое качество личности.

Таблица 8

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Sociable, adj.	1. (of people) enjoying spending time with other people [oxfordlearnersdictionaries.com]. 2. enjoying or <u>requiring</u> the company of others; gregarious [collinsdictionary.com]. 3. characterized by pleasant, informal conversation and companionship [collinsdictionary.com]. 4. Synonyms: affable, friendly, outgoing [thesaurus.com].	КЛС	качество
		ДС1 – Субъект	преимущ. человек
		ДС2 – (Объект) Направленность	общение с людьми
		ДС3 – Характер проявления	Легкость в общении Потребность в окружении Зависимое положение
		ДС4 – Эмоциональный компонент	наслаждение удовольствие
		КК	нейтральный

Таким образом, используя прием персонификации, автор наделяет природный объект качеством, которое выражается в способности к общению, к установке контактов и связей с другими людьми. Лексема *enjoy* в значении ‘*to be happy and get pleasure from what you are doing*’ актуализирует выделенный в качестве отдельной семы эмоциональный компонент, который в свою очередь реализуется в дифференциальных семах «наслаждение»,

«удовольствие», свидетельствующих о положительном эмоциональном настрое субъекта.

Также значимой в сводной дефиниции является лексема *require*, в компоненте значения которой присутствуют семы «потребность», «зависимость», что подтверждается словарной дефиницией из словаря:

1. **require** – to need something; to depend on somebody/something;
2. **need** – to require something/somebody because they are essential or very important, not just because you would like to have them;
3. **depend** – to rely on somebody/something and be able to trust them;
rely – to need or depend on somebody/something
[oxfordlearnersdictionaries.com].

В результате, возникла ситуация взаимоопределения: to require → to need → to require → depend → to rely → to need. Значит, глагол *to need* – КЛС данного глагола. Стоит отметить, что лексемы *affable*, *friendly*, *outgoing* являющиеся синонимами прилагательного *sociable*, не содержат в своем значении подобный компонент. Следовательно, применяя данную лексему, автор подчеркивает тот факт, что природе, так же, как и человеку, свойственно испытывать потребность в общении. С точки зрения психологии, стремление быть в контакте с другими свидетельствует о наличие дискомфорта, связанного с одиночеством. Известно, что наиболее остро одиночество испытывается в юношеском возрасте. Характерные черты данного периода в жизни человека прослеживаются также в следующих контекстах.

15. *Spring had come once more to Green Gables – the beautiful capricious, reluctant Canadian **spring**, lingering along through April and May in a succession of sweet, fresh, chilly days, with pink sunsets and miracles of resurrection and growth [Montgomery 2016: 202].*

Таблица 9

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Caprici	1. showing sudden changes in	КЛС	качество

ous, adj.	attitude or behaviour [oxfordlearnersdictionaries.com]. 2. Given to sudden and unaccountable changes of mood or behaviour [oxforddictionaries.com]. 3. Someone who is capricious often changes their mind unexpectedly [collinsdictionary.com]. 4. subject to, led by, or indicative of a sudden, odd notion or unpredictable change; erratic [dictionary.com]. 5. Synonyms: impulsive; fickle	ДС1 - Субъект	преимущ. человек
		ДС2 - Направленность	окружающие люди
		ДС3 – Характер проявления	Изменение отношения Поведения настроения
		КК	нейтральный

Поскольку лексема *beautiful* традиционно используется для описания женского образа, обладающего истинной красотой, можем утверждать, что в роли весны выступает юная девушка. Эмоциональная незрелость персонажа объясняется наличием лексем *capricious*, *reluctant*, в значениях которых содержатся семы, указывающие на частую смену настроения, неуверенность в совершении выбора, а также сопровождающие всюду сомнения. Подобного рода поведение характерно для периода юности, в котором, следовательно, находится описываемый природный объект в образе красивой девушки-весны, которая очень осторожно, робко, даже с промедлением вступает в свои права. Последний факт обусловлен наличием глагольной лексемы *linger* в значении ‘*to stay somewhere a little longer, especially because you do not want to leave*’ [ldoceonline.com].

В качестве синонима прилагательного *capricious*, выступает лексема *fickle* – ‘*someone who is fickle is always changing their mind about people or things that they like, so that you cannot depend on them – used to show disapproval*’ [ldoceonline.com] содержащая в своем значении коннотативную сему «неодобрение». Следовательно, употребление прилагательного *capricious*, в котором отрицательной оценочный компонент отсутствует,

говорит о том, что автор с пониманием относится к психическому состоянию растерянности, в котором пребывает природа, принимая во внимание особенности юношеского возраста.

16. *The night was clear and frosty, all ebony of shadow and silver of snowy slope; big stars were shining over the **silent** fields [Montgomery 2016: 180].*

Анализируя следующий контекст, обнаруживаем лексему **silent**, описывающую состояние замкнутости, крайней степени сдержанности, в которых пребывает субъект (природный объект – field).

Таблица 10

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Silent, adj.	1. (of a person) not speaking	КЛС	состояние
	2. not giving information about something; refusing to speak about something [oxfordlearnersdictionaries.com].	ДС1 - Субъект	преимущ. человек
	3. not inclined to speak; taciturn; reticent [dictionary.com].	ДС2 – Характеристика	Нежелание говорить сдержанность
	4. If you describe someone as a silent person, you mean that they do not talk to people very much, and <u>sometimes</u> give the impression of being unfriendly [collinsdictionary.com].	ДС3 – Причина	выразить чувства, отношение, сомнение
	5. If someone is silent about something, they do not tell people anything about it, because they think it is a private matter or because they want to keep the information secret [collinsdictionary.com].	ДС4 - Обстоятельственный компонент	Без слов
		ДС6 – Частотность проявления	иногда

В качестве синонима прилагательного **silent**, выступает лексема *taciturn* – ‘*tending not to say very much, in a way that seems unfriendly*’, значение которой указывает на высокую частоту проявлений данного состояния. Сема «часто», выделенная на основе словарной дефиниции глагола **to tend** – ‘*likely*

to do something or to happen in a particular way because this is what often or usually happens’, противопоставлена дифференциальной семе «иногда», входящей в семный состав прилагательного **silent**. Таким образом, употребление лексемы **silent** в данном контексте говорит о том, что состояние, характеризующееся высокой сдержанностью, нежеланием говорить, не свойственно природе, а является лишь временным, возникшим по какой-либо причине.

17. *But it was a jolly, **busy**, **happy** swift-flying **winter*** [Montgomery 2016: 319].

Таблица 11

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Happy, adj.	1. Someone who is happy has feelings of pleasure, usually because something nice has happened or because they feel satisfied with their life [collinsdictionary.com]. 2. A happy time, place, and pleasant experiences, or has an atmosphere in which people feel happy [collinsdictionary.com].	КЛС	состояние
		ДС1 – Субъект	преимущ. человек
		ДС2 – Характеристика состояния	радость наслаждение
		ДС3 – Причина	приятное событие

Природа в вышеуказанном контексте представлена в совершенно противоположном состоянии. «Радость», «наслаждение», выделенные как отдельные семы, выражены в данном случае эксплицитно.

18. *Trees aren't much company, though dear knows if they were there'd be enough of them. I'd rather look at people. To be sure, **they seem contented enough**; but then, I suppose, they're used to it* [Montgomery 2016: 5].

Посредством олицетворения деревья в романе приобретают свойственную человеку чувствительность. Семантика слова **contented** – ‘*showing or feeling happiness or satisfaction, especially because your life is good*’ говорит о том, что деревья в данном контексте испытывают чувство удовлетворения, которое является одним из базовых чувств человека наряду со зрением, слухом, осязанием, вкусом, обонянием и чувством собственной

важности. Человек познает окружающий его мир не только в процессах восприятия, памяти, воображения и мышления, но вместе с тем испытывает определённые чувства по отношению к ним. Этой же способностью автор наделяет деревья в романе.

Следует отметить, что метафорическая модель эмоций является самой частотной в романе. Проанализировав контекстные воплощения прилагательных и существительных с семой «выражение чувств» в качестве дифференциальной и КЛС, приходим к выводу, что природе так же, как и человеку, свойственно испытывать целую гамму чувств: от замкнутости до чрезмерной общительности. Учитывая тот факт, что спектр отрицательных эмоций ограничивается состоянием неуверенности и нерешительности перед чем-либо, можно утверждать, что положительные эмоции превалируют.

2.2.4. Метафорическая подмодель движения

Метафорическая подмодель движения представлена разнообразными видами перемещения человека в пространстве. Различия наблюдаются, в основном, в интенсивности самого процесса (скорости) и воспроизводимого шума.

19. *Here and there a wild plum leaned out from the bank like a white-clad girl **tip-toeing** to her own reflection [Montgomery 2016: 26].*

В значении глагольной лексемы **tip-toe** – ‘*walk very quietly without putting your heels on the floor when you walk*’ появляются семы «очень тихо», «спокойно» указывающие на низкую интенсивность воспроизводимого шума, а также отсутствие спешки.

20. *<...> a garden it was where sunshine **lingered** and bees hummed, and winds, beguiled into **loitering**, purred and rustled [Montgomery 2016: 110].*

Анализ следующего контекста, а именно, лексем, использованных автором для описания манеры передвижения природного объекта в

пространстве, показал, что сема «медленно» является интегральной для указанных глагольных единиц.

***Linger** – ‘to remain or stay on in a place longer than is usual or expected, as if from reluctance to leave’; **Loiter** – ‘to move in a slow, idle manner, making purposeless stops in the course of a trip, journey, errand, etc.’ [dictionary.com].*

В следующем примере находим лексему **run**:

21. *to the hollow where the **brook ran** and where scores of white birches grew, upspringing airily out of an undergrowth suggestive of delightful possibilities in ferns and mosses and woodsy things generally., with pink sunsets and miracles of resurrection and growth [Montgomery 2016: 41].*

Глагол **run** в значении ‘*to go quickly by moving the legs more rapidly than at a walk and in such a manner that for an instant in each step all or both feet are off the ground*’ демонстрирует более подвижный ритм жизни водного объекта.

Таким образом, метафорическая подмодель движения не является частотной. Однако, ее наличие играет значимую роль в создании общей модели «природа – человек». Склонность к промедлению, спешка и ее отсутствие часто выступают в качестве характеристик темпа жизни людей.

2.2.5. Метафорическая подмодель статуса

Для создания многогранного образа природы автор использует различные лексемы, в том числе те, которые позволяют определить место некоторых природных объектов в так называемой социальной иерархии. Социальное положение, занимаемое индивидом в обществе или некой группе, носит название социального статуса. Чаще всего социальный статус характеризуется положением в обществе, властными и материальными возможностями.

Далее, рассмотрим некоторые контексты, компоненты значения лексем которых, указывают на определенное социальное положение субъекта или же его властные полномочия.

22. *They just looked like **orphans** themselves, those trees did [Montgomery 2016: 21].*

Таблица 12

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Orphan, n.	1. a child whose parents are both dead 2. to deprive of one or both parents [collinsdictionary.com]. 3. not authorized, supported, or funded; not part of a system; isolated; abandoned[dictionary.com].	КЛС	человек
		ДС1 - возраст	ребенок, подросток
		ДС2 - положение	отсутствие родителей защиты поддержки
		ДС3 – эмоциональное состояние	страдание одиночество
		КК	нейтральный

Так, например, лексема *orphan* – *сирота* содержит в компоненте значения семы, свидетельствующие об уязвимом положении детей, входящих в данную социальную группу. Семы «отсутствие родителей», как следствие этого, «незащищенность», «отсутствие материальной поддержки» являются основными факторами предписания данного статуса. В результате, используя прием метафорического сравнения, автор не только указывает на возрастные и эмоциональные особенности персонажа, но также определяет его положение в социальной группе.

В следующем примере обращаем наше внимание на лексему *gypsy*.

23. *A little **gypsy wind** came down it to meet them, laden with the spicy perfume of young dew-wet ferns [Montgomery 2016: 97].*

Достаточно интересную характеристику автор дает в своем романе ветру. Семантика лексемы *gypsy* – ‘a member of a race of people, originally from Asia, who traditionally travel around and live in caravans’ позволяет

сделать вывод о том, что автору знакомы психологические и исторические особенности цыганского народа.

Цыгане отличаются от других национальных меньшинств тем, что не имеют страны происхождения или Родины. Факт отсутствия в мире цыганской страны зачастую приводил к лишению цыган статуса «народа», «нации» и даже меньшинства. Гонения на цыган оставили свой след в их психологии. Они путешествуют по миру из века в век, в связи с чем их часто называют «гражданами Земли». Рассмотренный этнос нуждается в серьёзной социально-экономической государственной помощи.

Используя данный эпитет, автор проводит аналогию между психологией целого народа и ветром, приписывая последнему такие черты, как скитальчество, бесприютность, беспокойствие, бунтарское начало.

24. *That bridge led Anne's dancing feet up over a wooded hill beyond, where perpetual twilight reigned under the straight, thick-growing firs and spruces [Montgomery 2016: 81].*

Лексема **reign**, которую находим в вышеуказанном контексте, позволяет нам сделать вывод о том, что некоторые природные объекты (небесные светила) обладают большей властью и полномочиями. С помощью указанной лексемы, а также приема персонификации, объект природы наделяется признаками человека, обладающего высоким статусом в обществе, авторитетом и властью.

Таблица 13

Лексема	Словарные дефиниции	Семы	Семантическая реализация
Reign, v	1. to possess or exercise sovereign power or authority. 2. to hold the position and name of sovereign without exercising the ruling power. 3. to have control, rule, or influence of any kind. 4. to predominate; be prevalent [dictionary.com].	КЛС	иметь
		ДС1 – Субъект	человек
		ДС2 – Объект	власть
		ДС3 – Характерные черты	контроль влияние авторитет

В доказательство вышесказанному приведем следующий контекст:

25. *Over it, in the stainless southwest sky, a great crystal-white star was shining like a lamp of **guidance** and promise [Montgomery 2016: 28].*

Так, посредством метафорического сравнения и эпитета инвертированного типа небесное светило (*star*) выступает в роли лидера, ведущего за собой и освещающего путь. Статус лидера подтверждается лексемой **guidance** в значении '*leadership, instruction, or direction*' [collinsdictionary.com].

Таким образом, метафорическая модель статуса подтверждает следующее положение: природа в понимании автора – это человеческое общество, в котором есть своя иерархия и законы.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что метафорическая модель «Природа – это человек» включает в себя 5 подмоделей: метафорическая подмодель физиологических признаков, метафорическая подмодель эмоций, метафорическая подмодель движения и метафорическая подмодель статуса и речевого сообщения. Наиболее частотной в исследуемых романах является подмодель эмоций.

2.3. Метафорическая модель «Природа – это артефакт»

Данную модель нельзя отнести к частотным в романах. Нами было выявлено несколько контекстов, свидетельствующих об её наличии.

26. *Over it, in the stainless southwest sky, a great crystal-white star was shining like a **lamp** of guidance and promise [Montgomery 2016: 28].*

Лексема **lamp** в значении '*electrical device which produces a special type of light or heat, used especially in medical or beauty treatment*' содержит категориальную сему «вещь». Посредством метафорического сравнения, автор переносит признаки искусственно созданного продукта человеческой деятельности (лампы) на природный объект, тем самым демонстрируя своё видение изображения ночного неба и вызванные им ассоциативные образы.

27. *All the little wood things – the ferns and the satin leaves and the crackerberries – have gone to sleep, just as if somebody had tucked them away until spring under a blanket of leaves [Montgomery 2016: 301].*

A **blanket** – ‘a large square or rectangular piece of thick cloth, especially one which you put on a bed to keep you warm [collinsdictionary.com]. Рассмотрев другие контекстные лексемы, приходим к выводу, что метафорический эпитет инвертированного типа в вышеуказанном контексте можно назвать мотивированным. Глагол *sleep*, а также существительное **bed** – ‘a piece of furniture upon which or within which a person sleeps, rests, or stays when not well’ могут быть отнесены к одной метафорической модели.

28. *Below the boughs the air was full of a purple twilight and far ahead a glimpse of painted sunset sky shone like a great rose window at the end of a cathedral aisle. [Montgomery 2016: 15].*

В данном контексте обращаем наше внимание на лексему **rose window** ‘a large round stained glass window’ [collinsdictionary.com]. Посредством указанной лексемы природное пространство обретает некие границы, создается яркий образ священного места, собора, в котором закат является большим круглым окном с фигурным переплетом в форме звезды или распустившегося цветка с симметрично расположенными лепестками. Данный архитектурный элемент встречается в церквях романского и готического стилей, обычно расположен высоко над входными дверьми храма на фасаде главного или продольного нефа, доставляя обильное освещение. Такие окна выступают характерным элементом большинства архитектурных сооружений в Канаде, построенных в стиле неоготики. Поскольку Канада – родина Люси Монтгомери, то можно сделать вывод о том, что на формирование концептуальной метафоры «природное явление» оказали влияние образы, накопленные в результате индивидуального и социокультурного опыта взаимодействия автора с окружающей действительностью.

29. *It was a little narrow, twisting path, winding down over a long hill straight through Mr. Bell's woods, where **the light** came down sifted through so many emerald screens that it was as flawless as the heart of a diamond [Montgomery 2016: 73].*

Особый интерес в вышеуказанном контексте представляют лексемы *sifted* и *emerald screens*. Так, посредством лексемы *sifted* 'put flour or some other fine substance through a sieve' свет приобретает признаки материи, вещества для которого характерны делимость и вес. Выбор данного метафорического эпитета свидетельствует о том, что процесс просеивания муки служит в качестве сферы-источника для образования данной метафорической модели, что, в свою очередь, подчеркивает ведущую роль предметной деятельности человека, участвующей в процессе метафоризации и концептуализации окружающего мира. Перифраза 'emerald screens' в данном контексте образована с помощью метафоры. В результате, кроны деревьев становятся артефактом, выступая в роли сита, сквозь которое просеивается свет.

2.4. Метафорическая модель «Природа – это религиозная материя»

В ходе анализа контекстов было замечено, что лексемы, участвующие в построении образа природы в романе достаточно часто содержат в компоненте своего значения отсылки к божественным атрибутам.

30. *The only flowers there were myriads of delicate "June bells," those shyest and sweetest of woodland blooms, and a few pale, aerial starflowers, like **the spirits of last year's blossoms** [Montgomery 2016: 81].*

Так, например, в вышеуказанном контексте элемент цветения сравнивается с душой (*spirit is the non-physical part of them that is believed to remain alive after their death [collinsdictionary.com]*). Отменим, что *ghost* – 'the disembodied spirit of a dead person, supposed to haunt the living as a pale or shadowy vision; phantom', является одним из лексико-семантических вариантов лексемы *spirit*. *Ghost* в компоненте своего значения содержит лексему *pale*, указывающую на прозрачность материи. При описании

природного объекта автор также применяет прилагательное *pale* в качестве эпитета. Таким образом, можно утверждать, что основанием для подобного переноса является внешнее сходство.

31. *Spring had come once more to Green Gables – the beautiful capricious, reluctant Canadian spring, lingering along through April and May in a succession of sweet, fresh, chilly days, with pink sunsets and miracles of **resurrection** and growth [Montgomery 2016: 202].*

Отсылка к божественному атрибуту в данном контексте осуществляется за счёт лексемы *resurrection* в значении ‘*the rising of Christ after His death and burial*’. Воскресение Иисуса Христа – одно из наиболее известных событий, описанных в книгах Нового Завета. Вера в воскресение из мёртвых Иисуса является основной доктриной христианства.

32. *It had snowed softly and thickly all through the hours of darkness and the beautiful whiteness, glittering in the frosty sunshine, **looked like a mantle of charity** cast over all the mistakes and humiliations of the past [Montgomery 1984: 134].*

В вышеуказанном контексте посредством метафорического сравнения и эпитета инвертированного типа снежный покров становится религиозной материей благодаря лексеме *charity*, одно из значений которой содержит в своем семном составе такие компоненты, как «любовь к Богу», «гуманность», «благожелательность», «доброта». Перечисленные элементы являются постулатами христианства как религии любви, призывающей к бескорыстному служению на благо человечества.

33. *The fresh chill air was faintly charged with the aroma of pine balsam, and **the sky** above **was** crystal clear and blue—a great inverted **cup of blessing** [Montgomery 1982: 47].*

Особый интерес в данном отрывке представляет лексема *blessing* в значении ‘*God’s help and protection, or a prayer asking for this*’ [oxfordlearnersdictionaries.com]. Метафора, в составе которой находим эпитет инвертированного типа, превращает небесный объект в материальную субстанцию, имеющую, в свою очередь, духовное содержание.

Выводы по главе II

В рамках данной главы был проведен анализ концептуальной метафоры «природное явление» на основе контекстов из исследуемого романа. Анализ включал в себя: выделение лексических единиц, участвующих в построении различных метафорических моделей, а также выявление лексических средств их репрезентации.

В ходе анализа контекстных воплощений концептуальной метафоры «природные явления» были выделены следующие модели: «Природа – это человек», «Природа – это артефакт», «Природа – это религиозная материя». В метафорической модели «Природа – это человек» были выделены пять подмоделей: метафорическая подмодель физиологических признаков, метафорическая подмодель речевого сообщения, метафорическая модель эмоций, метафорическая подмодель движения и метафорическая подмодель статуса. Наиболее частотной является подмодель эмоций.

Выделенные метафорические подмодели в модели «Природа – это человек», а также их лексическое наполнение, позволяет нам сделать вывод о том, что природа в авторском понимании – это общество. Модели «Природа – это артефакт», «Природа – религиозная материя» не являются ключевыми, однако играют важную роль в понимании особенностей авторского оформления концептуальной метафоры.

Исследование выделенных метафорических моделей показало, что основными лексическими средствами их репрезентации в романе являются эпитеты, в том числе, инвертированного типа, прием персонификации, перифраза и метафорическое сравнение. Выбор человека как ключевой сферы-источника, на наш взгляд, во многом обусловлен конкретно-чувственным опытом автора как представителя определенной лингвокультуры.

Заключение

Данная работа посвящена исследованию концептуальной метафоры «природное явление», а именно, ее функций и способов репрезентации в дискурсе.

В данной работе теоретической основой исследования концептуальной метафоры послужили положения двух научных направлений: теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, и М. Джонсона, а также дискурсивно-диалогического подхода, в рамках которого анализ метафоры осуществляется с учетом определенного контекста (диалогического, социокультурного, исторического).

Рассматриваемые в данной работе романы являются художественными произведениями, имеющими свои особенности организации текста. В отличие от других типов дискурса, художественный дискурс открывает широкий простор для исследования концептуальной метафоры, поскольку обладает неисчерпаемым набором средств ее репрезентации.

В данной работе для анализа концептуальной метафоры «природные явления» мы использовали метод метафорического моделирования. В связи с тем, что большинство когнитивных подходов ориентировано на анализ языковых средств репрезентации концепта, наше исследование осуществлялось на базе частных методик и приемов анализа, включая методики контекстуального анализа, семантико-стилистического, когнитивно-дискурсивного анализа.

Так, в ходе анализа контекстных воплощений концептуальной метафоры «природные явления» были выделены следующие модели: «Природа – это человек», «Природа – это артефакт», «Природа – это религиозная материя». Метафорическая модель «Природа – это человек» включает в себя пять подмоделей: метафорическая подмодель физиологических признаков, метафорическая подмодель эмоций,

метафорическая подмодель движения и метафорическая подмодель статуса. Наиболее частотной в исследуемых романах является подмодель эмоций.

В результате приходим к выводу, что концептуализация сферы-мишени «природа» через сферу-источник «человек» продуцирует множество метафорических антропоморфных вариаций. Полученные в ходе исследования антропоморфной метафоры данные обладают высокой степенью информативности.

В ходе анализа используемых автором лексических средств для оформления концептуальной метафоры были выделены следующие: прием персонификации, метафорическое сравнение, эпитет, в том числе, инвертированного типа, перифраз. В совокупности они создают впечатление, что природа в романе наделена всем спектром, имеющихся у человека характеристик: физиологические особенности организма (пол, возраст), психические особенности, отражающиеся в характере и поведении человека, наличие статуса (положение в обществе), способность перемещаться в пространстве, а также выражать свои мысли и чувства.

Приведенные метафорические контексты характеризуются неисчерпаемой многозначностью своего содержания. Их антропоморфная направленность подтверждается наличием слов и словосочетаний с семантикой деятельности и характеристик человека. Модели «Природа – это артефакт», «Природа – религиозная материя» играют важную роль в понимании особенностей авторского оформления концептуальной метафоры «природное явление».

Таким образом, художественный дискурс стал ценным материалом, на основе которого были исследованы особенности разных типов концептуальной метафоры с доминированием антропоморфной, которая, в свою очередь, доказывает глубинные когнитивные основания метафорического отождествления качеств человека и объектов окружающего мира.

Библиографический список

1. Александров О. А. Филологические науки // Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 3 (7). – Универсальные концепты в когнитивной системе человека. – С. 26 – 29.
2. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
3. Алифанова Ф. С., Сенцов А.Э. К проблеме исследования политических концептов // Молодой ученый. – 2015. – №11. – С. 1780 – 782.
4. Аристотель. Риторика // Античные риторика: Переводы / Под. общ. ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С. 15 – 164.
5. Арутюнова Н. Д. Введение. // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 3 – 4.
6. Арутюнова Н. Д., Журина М. А. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
7. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 296 – 297.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
9. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 104 с.
10. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 52 – 57.
11. Баженова Е. А. Научный текст в дискурсивно – стилистическом аспекте // Вестник Пермского Университета. – Пермь: 2009. – Вып. IV. – С. 25 – 32.
12. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры. – М.: Наука, 1996. – 186 с.

13. Баранов А. Н. Метафоры в романах А. Платонова «Чевенгур» и «Счастливая Москва» // Известия Российской Академии Наук. Серия литературы и языка. – 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://lexrus.ru/inout/12-04-12055/metaph-Internet.pdf> (дата обращения: 08.05.2017).
14. Безруков А. Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход / монография. – СПб.: Гиперион, 2015. – 298 с.
15. Беляевская Е. Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005 – №1. – С. 5–15.
16. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990. – 156 с.
17. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 25 – 36.
18. Болдырев Н. Н. Языковая интерпретация и структура сознания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII. – Москва – Тамбов, 2016. – С. 25 – 35.
19. Бочарникова Е. А. Филологические науки // Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – Вып. I: О соотношении понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике. – С. 50 – 52.
20. Бочарникова Е. А. О соотношении понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2010/1/11.html> (дата обращения: 12.04.2017).
21. Бронникова О. В. Модусный метаконцепт время/time в русском и английском языках (на материале данных национальных корпусов): дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2017. – 344 с.

22. Бруквина В. А. Концепты животных и птиц в языковой картине мира (на материале нестандартной лексики английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: СПб. гос. ун-т, – 2016. – 284 с.
23. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
24. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002. – 142 с.
25. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – 5-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
26. Джордж, А. Миллер. Образы и модели, уподобления и метафоры Текст. / Джордж А. Миллер // Теория метафоры. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990. – 511 с.
27. Долинин К. А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978. – 344 с.
28. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
29. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
30. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
31. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
32. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72 – 81. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (дата обращения: 27.05.2016).

33. Лакофф Ж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004 – 155 с.
34. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1999. – 384 с.
35. Леонтьева К. И. Актуальные проблемы антропоориентированного исследования (художественного) перевода / К.И. Леонтьева // Когнитивные исследования языка. Вып. 27. – Тамбов, 2016. – С. 496 – 504.
36. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52, Вып. I. – С. 3 – 9.
37. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. – Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 11 – 35.
38. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
39. Малетина О. А. Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса (на материале произведений Т. Драйзера): диссертация. – Волгоград 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://31f.ru/dissertation/46-dissertaciya-lingvostilisticheskie-osobennosti-portreta-kak-zhanra-xudozhestvennogo-diskursa.html> (дата обращения: 15.05.2017).
40. Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса: монография. – М.: Буки Веди, 2016. – 172 с.
41. Митяева А. П. К вопросу о лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходах к изучению концептов // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1420 – 1423.
42. Панасенко Л. А. Моделирование интерпретирующего потенциала лексических категорий: монография / Л.А. Панасенко. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 201 с.

43. Пименова М. В. Языковая картина мира: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2014. – 108 с.
44. Попова Е. С. Текст и дискурс: дифференциация // Молодой ученый. – 2014. – №6. – С. 641 – 643.
45. Попова З. Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
46. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – монография. – Воронеж: 2001. – 189 с. [Электронный ресурс]. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Ocherki_po_kognitivnoj_lingvistike_2001.pdf (дата обращения: 15.05.2017).
47. Попова З. Д. Концептуальная природа абстрактных понятий // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2003. – № 1. – С. 132 – 141.
48. Попов А. Ю. Основные отличия текста от дискурса // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 41 – 44.
49. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
50. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
51. Степанов Ю. С. Альтернативный мир Дискурс, Факт и принципы Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М.: РГГУ, 1995. – С. 35 – 73. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/stepanov.htm> (дата обращения: 15.05.2017).
52. Тавдгиридзе Л. А. Русский язык. Антология концептов / Л.А. Тавдгиридзе, И.А. Стернин; под ред. В. И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Т. 3. – 381 с.

53. Федотова Н. С. Концепт «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе: диссертация. – Астрахань 2005. – [Электронный ресурс]. URL: <http://31f.ru/dissertation/page,1,76-dissertaciya-koncept-garantiya-v-angloyazychnom-delovom-diskurse.html> (дата обращения: 14.05.2017).
54. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 416 с.
55. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. Сб. научн. тр. – СПб: СПбГУЭФ, 2007. – С. 7 – 26.
56. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
57. Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Выпуск 7. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – 448 с.
58. Fauconnier G. On Metaphor and Blending / G. Fauconnier, G. Lakoff // Journal of Cognitive Semiotics. – 2009. – Vol.5. – № 1/2. – P. 393 – 399.
59. Gibbs R.W. Making good psychology out of blending theory // Cognitive linguistics. – 2000. – V. 11. – № 3/4. – P. 347 – 358.
60. Hertwig R., Hoffrage U. Simple Heuristics: the Foundations of Adaptive Social Behavior // Social rationality: simple heuristics in a social context. – N. Y., 2012. – P. 239 – 243.
61. Kovecses Z. Where Metaphors Come From. – London: Oxford University Press, 2016. – 234 P.
62. Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity // Metaphor and Symbol. 2003. – Vol. 18. – № 1. – P. 49 – 53.

63. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // Metaphor and Symbol. – 2004. – Vol. 19. – № 4. – P. 265 – 287.

64. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133 – 145.

65. Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // Discourse and Society, 2003. – Vol. 14. – № 4. – P. 507–523.

Энциклопедии и словари

66. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English /A. S. Hornby – London: Oxford University Press, 2005. – 1905 P.

Литературные источники

67. Montgomery L. M. Anne of Green Gables. – New York: Scholastic Press, 2016. – 401 P.

68. Montgomery L. M. Anne of Avonlea. – New York: Bantam Books, 1984. – 294 P.

69. Montgomery L. M. Anne of The Island. – New York: Bantam Books, 1982. – 244 P.

Приложение 1

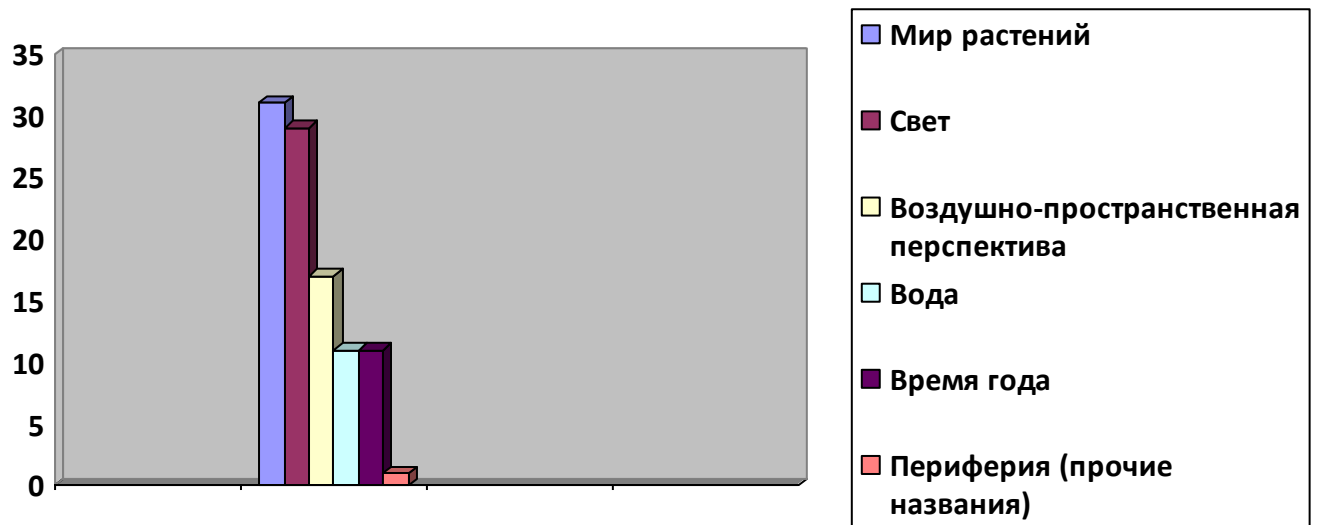


Рис. 1. Авторская репрезентация концепта «природа» в дискурсе Люси
Монтгомери